

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.66.61.054

Дискуссионные вопросы о составе преступления как юридическом основании квалификации преступления

Тарханов Ильдар Абдулхакович

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Голубев Станислав Игоревич

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Аннотация

В статье анализируются понятия преступления и состава преступления, квалификации преступления. рассматриваются элементы состава преступления. По вопросу определения понятия квалификации преступления приводятся точки зрения видных ученых в данной сфере. Обоснована позиция относительно того, что установленным ранее конкретным жизненным обстоятельствам необходимо придать вид, пригодный для отождествления с признаками состава преступления «как с некоторым общим...». Внимания заслуживают отраженные в статье суждения о правовой природе квалификации преступления, а также достаточно подробный анализ философских аспектов учения о составе преступления. В статье показано, что законодатель рассматривает вину, мотив и цель как самостоятельные признаки субъективной стороны, характеризуя их определенным образом в конструкции конкретного состава преступления. При этом законодательная модель конкретного вида преступления всегда содержит указание на вину, ее форму, а нередко и вид (например, путем указания на мотив или цель). Это указание может быть прямым или опосредованным, с использованием различных способов, приемов и правил законодательной техники.

Для цитирования в научных исследованиях

Тарханов И.А., Голубев С.И. Дискуссионные вопросы о составе преступления как юридическом основании квалификации преступления // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 537-547. DOI: 10.34670/AR.2022.66.61.054

Ключевые слова

Преступление, квалификация преступления, состав преступления, юридическая конструкция, уголовное право.

Введение

С точки зрения уголовного права важным элементом правоприменения является уголовно-правовая оценка содеянного человеком. Она отличается разновекторностью и многомерностью, одной из разновидностей которой является квалификация преступления. Считается, что в этимологическом отношении этот термин является производным от двух латинских слов: «*qualis*» (качество) и «*facere*» (делать, определять). В их сочетании «*qualificatio*» означает характеристику предмета явления, отнесение его к какой-либо категории, группе [Словарь иностранных слов, 1988, 223]. Аналогичным образом определяется этот термин и в русском языке, где «квалифицировать» – значит «оценить..., определить... каким-нибудь образом», хотя специалисты допускают употребление этого слова и в ином значении [Ожегов, 1988, 221]. Таким образом, смысл термина «квалификация» включает в себе не только выявление качественных признаков (определенности) самого исследуемого явления, но также отнесение его на этой основе к определенной группе качественно однородных, близких по природе явлений. «Именно присущее конкретному преступлению и выявленные в нем свойства, – пишет И.А. Тарханов, – позволяют определить его место в системе иных уголовно-правовых деяний и отграничить, тем самым, от других видов и форм преступных посягательств» [Тарханов, 2020, 18].

В законодательстве не содержится определение самого понятия квалификации преступления, хотя этот термин употребляется в УПК РФ, а в уголовном законодательстве рассматриваемое понятие обычно раскрывается через термин «ответственность» (см. напр. ч.2 ст. 34 УК РФ). С учетом межотраслевого характера эта проблема становится предметом как общей теории права, так и уголовно-правовой доктрины.

Основная часть

В науке уголовного права уголовно-правовая квалификация (в том числе квалификация преступления) рассматриваются как частный случай юридической квалификации с одновременным указанием на ее конкретный правовой источник. Вместе с тем, в современной уголовно-правовой литературе предлагается проблему основания квалификации преступления рассматривать в более широком контексте. При этом нередко понятия «основание» и «основы» не считаются тождественными [Якушин, 2016]. «Под нормативной основой квалификации преступления, – пишет Н.И. Пикуров, – понимается уголовное законодательство, основанное на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах, и нормах международного права» [Пикуров, 2019, 65]. Такой подход опирается на положения, изложенные в ст.1 УК РФ, поэтому включает в себе рациональное зерно. Действительно, квалификация преступления есть разновидность уголовно-правовой оценки явления, осуществляемой с позиции, именно уголовного закона. Вместе с тем, данное положение применительно к собственно квалификации преступления требует дальнейшей конкретизации с учетом правовой природы самого рассматриваемого явления.

По мнению И.А. Тарханова, установленным ранее конкретным жизненным обстоятельствам необходимо придать вид, пригодный для отождествления с признаками состава преступления «как с некоторым общим...». Этому служит логико-юридическая операция, названная им «извлечение из имеющийся фактической основы собственно уголовно-правовых (юридически значимых) признаков содеянного». С методологической точки зрения именно последние

«пригодны» для отождествления с признаками конкретного состава преступления [Тарханов, 2020, 21]. Этот подход поддерживается А.И. Рарогом, который, однако, считает эту деятельность предшествующей квалификации преступления поэтому он и не включает ее в содержание самой квалификации преступления [Рарог, 2003].

Необходимо подчеркнуть также, что определение квалификации преступления, сформулированное В.Н. Кудрявцевым, в полной мере соответствует лишь *официальной* разновидности квалификации преступления как деятельности специально уполномоченных на то должностных лиц и органов, перечень которых предусмотрен УПК РФ. К их числу законодатель относит, в частности, дознавателя, следователя и суд. Именно их решения требуют юридического (официального) закрепления в соответствующих уголовно-процессуальных актах (например, в постановлении о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении или акте, обвинительном приговоре и иных). Применительно к неофициальной квалификации фиксации такого рода вывода о квалификации содеянного не предусмотрено.

В связи с этим в доктрине высказываются различные суждения о *правовой природе* квалификации преступления. Иногда считается что официальная квалификация преступления представляет собой частное уголовно-процессуальное решение по уголовному делу, а неофициальная квалификация – собственно уголовно-правовая категория, которая не предполагает ее отражения в какой-либо уголовно-процессуальной форме [Шумихин, 2004, 15]. Полагаем, что только официальная квалификация преступления сочетает в себе уголовно-правовую оценку содеянного, выраженную (закрепленную) в определенной уголовно-процессуальной форме. Следовательно, имеются определенные основания для отнесения ее к числу межотраслевых институтов. Этот вывод во многом предопределяет решение вопроса о содержании понятия официальной квалификации преступления.

В литературе отмечается, что понятие состава преступления этимологически связан с латинским термином *corpus delicti*, введенном в оборот итальянским юристом Фаринациусом еще в 1581 году с тем, чтобы «более точно подчеркнуть совокупность доказанных преступных фактов» [Коробеев, 2013, 7]. Тем самым подчеркивается, что вначале он имел только процессуальную природу. Его процессуальное происхождение в дальнейшем оказало определенное влияние на трактовку состава преступления как категории, перенесенный по необходимости в уголовное материальное право. По утверждению профессора Н.С. Таганцева германские социалисты в конце XVIII века усматривали в его содержании только объективные признаки, исключая субъективные основания виновности [Таганцев, 1994, 141]. По известным причинам такое представление о составе преступления было воспринято и российскими криминалистами в середине XIX века. Однако во многом благодаря научным усилиям Н.С. Таганцева и других русских криминалистов, в содержании состава преступления стали включать и субъективные составляющие [там же, 36].

В отечественной литературе достаточно подробно анализируются философские аспекты учения о составе преступления [Коробеев, 2013, 7-9; Наумов, 1993]. В функциональном отношении состав преступления нередко рассматривается как основание уголовной ответственности в целом, а также как юридическое основание только квалификации преступления как ее предпосылки. В последнем значении состав преступления иногда трактуется как некая нормативная (или юридическая) конструкция. Так, А.В. Павлинов пишет, что если бы не была создана такая юридическая конструкция как состав преступления, то «значительный объем правового материала мог бы превратить квалификацию в сложнейшую и

трудновыполнимую задачу» [Павлинов и др., 2019, 58]. Следовательно, существует представление о составе преступления как искусственно созданной юридической конструкции, которая отличается от понимания состава как законодательного образа преступления определенного вида, т.е. «конкретного состава» преступления.

Таким образом, дискуссия о природе состава преступления, его месторасположении имеет в теории многовекторный характер, хотя некоторые из предлагаемых решений не следует рассматривать как исключаящие друг друга.

Так, состав преступления нередко рассматривается как юридическая *конструкция*, понимаемая как *средство* законодательной техники. «Юридические конструкции, – пишут Л.Л. Кругликов и О.Е. Спиридонова, – облекают правовой материал в определенную форму...». В этом качестве, по мнению авторов, они «представляют собой абстракцию, разновидность нормативной модели» [Кругликов, Спиридонова, 2005, 57-69]. В уголовно-правовой литературе такое представление о составе преступления получило отражение в понятии «общее понятие состава преступления». Состав преступления в данном его значении следует рассматривать как категорию, получившую наименование «общее понятие состава преступления» и являющуюся обобщенным образом всех возможных законодательных моделей. В уголовно-правовой теории оно рассматривается как «результат использования общенаучного метода восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении». Л.Д. Гаухман полагает также, что в общем понятии состава преступления «отражены закономерности построения любого конкретного состава преступления и его элементов и сконцентрированы понятия всех без исключения элементов и признаков» [Гаухман, 2011, 34-35]. В этом значении, по мнению А.В. Иванчина, термин «состав преступления обозначает «обобщенную структурно-системную модель различных преступлений»». Автор полагает, что в этом значении не бывает «общим или специальным, материальным или формальным и т.д.», поскольку деление составов на виды с точки зрения этой общей их структуры не имеет под собой основы. «При построении соответствующего состава преступления законодатель отбирает необходимые ему элементы конструкции преступления, – пишет А.В. Иванчин, а после наполняет их юридически значимой информацией (превращая в признаки)». В его понимании, следует, поэтому видеть различие между составом преступления как юридической конструкцией и составом преступления как законодательной моделью, хотя и первая может именоваться «моделью», но как абстрактное искусственное образование элементов в виде признаков объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны любого преступления [Иванчин, 2014, 93-96].

Думается, взаимосвязь признаков преступлений и состава преступления, а также их отличия лежат все-таки в несколько иной философской и юридической плоскости. Представление о преступлении (и его признаках), как социально-правовом явлении излагается не в понятие состава преступления, а в понятие иного рода, которое изложено в ст. 14 УК РФ. Его основной функцией является разграничение преступного и не преступного. Как отмечалось ранее, состав преступления, как законодательная модель преступления определенного вида, предназначена для разграничения самих преступлений. «Для этого и многих других целей, – пишет В. Н. Кудрявцев, – необходимо иное (чем понятие преступления – С.Г.), более развернутое понятие. Таким понятием и является состав преступления [Коржанский, 2005, 6].

Иными словами, объективные и субъективные признаки самого преступления и его состава так или иначе, определенным образом конечно связаны между собой, однако в составе преступления они обретают конкретные черты, отражают особенности каждой законодательной модели. По этой причине нельзя полностью согласиться с тем, что состав преступления

определяет общественно опасное деяние именно «в качестве преступления». Этому служат иные уголовно-правовые понятия и заключенные в них признаки.

При определении основания квалификации преступления необходимо учитывать, что в процессе официальной квалификации преступления ее субъект объективно вынужден опираться не только на положения диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы, где действительно излагаются признаки того или иного вида преступления. Однако не следует, на наш взгляд, отождествлять состав преступления с ее диспозицией. Признаки состава конкретного состава преступления получают отражение как в нормах Общей, так и Особенной части УК РФ, при этом каждая из которых в свою очередь, может заключать в себе гипотезу и диспозицию. Представляется, что отдельные признаки состава преступления получают отражение и в гипотезе уголовно-правовых норм.¹

В литературе обычно подчеркивается, что объективные и субъективные признаки состава преступления представляют собой их сочетание, совокупность. Следует поддержать мнение Н.Ф. Кузнецовой, что эта общность представляет собой *систему*, а не просто совокупность [Комиссаров, 2012, 201]. Свойство системности призваны показать единство и структурированность множества компонентов, которые в составе преступления именуется обычно элементами и признаками. Нужно заметить, что законодатель использует это качество и при изложении состава преступления (его законодательной модели) нередко раскрывает содержание одного компонента через описание другого.

С точки зрения структуры, к числу объективных составляющих состава преступления обычно относят его *объект и объективную сторону*. Такое сочетание можно рассматривать как приемлемое, поскольку так или иначе они отражают нечто внешнее относительно самого деяния, и характеризующее внешнюю сторону самого преступного поведения. Нельзя не подчеркнуть также, что ущерб объекту уголовно-правовой охраны причиняется путем внешнего воздействия, способы которого обычно соответствуют содержанию объекта.

Следует отличать объект уголовно-правовой *охраны*, наименование и отличительные особенности которого указаны в уголовно-правовых нормах Общей и Особенной части УК РФ от объекта *преступления*, как социальному благу подвергаемому преступному воздействию со стороны субъекта. Эти понятия, хотя и различаются, но имеют также общие черты.

Как уже отмечалось, объекты уголовно-правовой охраны и преступления, как уголовно-правовое понятия, не следует отождествлять с учетом того, что первое из них обозначает те общественные отношения (правовые блага, интересы, социальные ценности), которые находятся под охраной уголовного закона и которым может быть причинен ущерб в случае совершения преступления. Они действительно находятся вне содержания преступного деяния либо общественно опасного поведения невменяемых или лиц, не достигших необходимого возраста. Однако трудно согласиться с тем объект уголовно-правовой охраны не входит в содержание категории, именуемой составом преступления, что этот элемент «правовая фикция, часть общественных отношений, обозначаемая диспозиции нормы особенной части УК РФ посредством признаков, характеризующих все элементы состава» [Винокуров, www]. Наоборот,

¹ Вопрос о содержании и структуре уголовно-правовых норм до сих пор является дискуссионным, поэтому с учетом предмета данного исследования представляется возможным не акцентировать особого внимания на ходе и предлагаемых по этой проблеме выводах.

указание в нем на объект уголовно-правовой охраны обычно отражает специфические черты данного вида преступления.

В уголовном праве объекты уголовно-правовой охраны и преступления классифицируются по различным критериям и основаниям. Для квалификации преступления непосредственное теоретическое и практическое значение имеет выделение родового, видового и непосредственного объектов.² Такое деление (по вертикали) обычно характерно для обозначения и наименования законодателем разделов (родовой объект), а также глав (видовой объект) Особенной части УК РФ. В конкретных составах преступлений непосредственный объект (или объекты) могут обозначаться непосредственно или опосредованно с учетом связи объекта с иными элементами и признаками состава преступления. Важное значение имеет также описание законодателем *предмета* данного вида преступления. Он, как составляющая объекта преступления (элемент общественного отношения) подвергается в теории уголовного права классификации по различным основаниям (критериям) [там же].

Объективная сторона состава преступления рассматривается обычно как юридическая характеристика внешней стороны того или иного вида преступления. Иногда утверждает, что объективная сторона состава преступления по своему содержанию уже объективной стороны преступления, ибо она включает «только минимальное количество существенных признаков» [Тарханов, 2016, 241]. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, в состав входят исключительно обязательные признаки, то есть необходимые и достаточные для криминализации деяния и для квалификации преступлений, уголовной ответственности и виновного лица. В преступлении помимо обязательных входит и *факультативные* элементы (курсив наш – С.Г.) состава.

Действительно, объективную сторону самого преступления и состава преступления следует отличать, как это делается в теории уголовного права. Это рассматривается специалистами в контексте соотношений преступлений и его состава и представляется одним из самых сложных и спорных, по которому, как уже отмечалось, отсутствует общепринятое решение, хотя такие попытки предпринимаются в научной литературе. Н.А. Лопашенко пишет, что состав преступления включает в себя только самые типичные, черты преступления, к числу которых она относит и его объективную сторону [Лопашенко, 2007, 133]. С этим мнением трудно не согласиться, поскольку каждый вид преступления с его объективной стороны отличается от другого определенными типическими признаками, которые имеют уголовно-правовое значение. Они задаются законодателем при характеристике его объективной стороны. Л.Д. Гаухман справедливо, на наш взгляд, полагает, что в качестве признаков объективной стороны конкретного состава преступления выступают существенные типичные признаки внешней стороны данного вида преступлений в их обобщенном выражении» [Гаухман, 2011, 87].³

В литературе объективную сторону преступления рекомендуется рассматривать в нескольких значениях. Так, А.И. Бойко допускает ее характеристику как «частицу существующей реальности, именуемой преступлением». Он предлагает выделять объективную сторону состава преступления «как законодательную конструкцию, модель, структурированное

² Общий объект уголовно-правовой охраны (и преступления) предназначен, главным образом, для ограничения преступного и не преступного, что не входит, на наш взгляд, в содержание понятия «квалификация преступления».

³ Между тем, эта научная позиция оспаривается другими учеными. Так, Т.И. Нагаева пишет, что вряд ли понятие «типичный признак» вообще применимо к составу преступления.

нормативное понятие о данном криминальном явлении...» [Бойко, 2003, 42]. Думается, что объективную сторону любого деяния действительно можно рассматривать как некую совокупность фактических обстоятельств, то есть как некую реальность. Между тем, в ст. 14 УК РФ говорится о деянии особого рода, т.е. деянии, *запрещенном* «настоящим Кодексом...» Следовательно такое деяние должно заключать в себе юридически значимые (с позиции уголовного закона) признаки. В процессе официальной квалификации преступления они извлекаются правоприменителем из имеющейся фактической основы для сопоставления с законодательными признаками, составляющие содержание объективной стороны состава преступления [Тарханов, 2016, 195].

Как уже отмечалось вся совокупность юридических значимых признаков объективной стороны преступления (в их обобщенном виде) обозначается в юридической конструкции как средства законодательной техники. При конструировании объективной стороны конкретного состава преступления, как нормативной (законодательной) модели объективной стороны данного состава, законодатель отбирает из нее только требуемые (обязательные) признаки с тем, что дать УК РФ представление о характерных чертах внешней стороны деяния данного вида. В законодательной модели преступления определенного вида (т.е. по воле законодателя) они становятся конструктивными или квалифицирующими (возможно и привилегированными) признаками объективной стороны конкретного состава.

Применительно к характеристикам *структуры* объективной стороны, ее описанию в законе все составы преступлений принято, во-первых, подразделять на материальные, формальные и усеченные⁴. Необходимо особо подчеркнуть, что эта классификация не распространяется на сами преступления, которые не могут быть таковыми. *Материальные* составы включают в свое содержание указания уголовного закона на признаки самого деяния, а также его юридические последствия (в виде реального вреда или угрозы его причинения), а также требование о наличии причинной связи между ними. В *формальных* составах излагаются лишь признаки самого деяния, поскольку его последствия (вред) выносятся законодателем за рамки объективной стороны состава преступления данного вида. Поэтому при квалификации преступления они учету не подлежат. *Усеченными* обычно именуется составы, объективная сторона которых сконструирована таким образом, что момент окончания данного преступления переносится законодателем на более раннюю стадию совершения деяния.

С позиции описания объективной стороны преступления в уголовном законе составы преступлений можно также подразделять на простые и сложные. Как уже отмечалось сложные составы обычно выделяют на наличие содержания объективной стороны состава двух (или более) сочетающихся или альтернативных действий, нескольких альтернативных или последовательно располагающихся последствий. Представляется, что к числу сложных составов преступлений следует относить те из них, объективная сторона которых включает в себе бланкетные признаки.

Явление *бланкетности*, ее свойства и их влияние на конструкцию отраслевых норм нельзя отнести к числу глубоко исследованных в уголовно-правовой науке. Значительный вклад в устранение многих пробелов был внесен и вносится Н.И. Пикуровым, который исследовал эту проблему в рамках межотраслевых связей уголовного права. Ученым выделены и

⁴ В теории уголовного права последняя разновидность обособляется не всеми специалистами.

охарактеризованы бланкетные диспозиции уголовно–правовых норм и бланкетные признаки составов преступлений как относительно самостоятельные феномены, но с учетом их взаимосвязи. «Бланкетность, – пишет Н.И. Пикуров, – наиболее ярко выражается в случаях, когда с помощью норм других отраслей права конкретизируются признаки объективной стороны состава преступления». При этом, по мнению автора, таковой является диспозиция, когда в уголовно-правовой норме содержится ссылка на нарушение правил, регламентируемых предписаниями иной отраслевой принадлежности [Пикуров, 2016, 71-73]. Следует согласиться с тем, что сложность заключается не только в уяснение действительного содержания такой нормы, но и в том, что сам факт нарушения такого рода правила требует самостоятельной юридической оценки, а в последующем и *ссылки* на соответствующие положения, изложенные в тех или иных статьях нормативного акта *иной* отраслевой принадлежности.

Субъект преступления определяется чаще всего как физическое вменяемое лицо, достигшие определенного возраста уголовной ответственности. При этом, наряду с общим субъектом, выделяются также *специальный субъект*. Последний отличается наличием дополнительных признаков, характеризующих социальный или юридический его статус. Они обычно предусмотрены статьей Особенной части УК РФ, хотя характеристика отдельных видов специальных субъектов может определяться с учетом положений, заключенных в содержании объективной стороны соответствующих составов преступлений. Признаки специального субъекта классифицируются по различным критериям (в том числе по государственно-правовому статусу лица, по должностному положению, по характеру выполняемой работы и функциям). На практике достаточно часто возникает сложность в установлении субъекта нарушение правил, установленных нормами иной отраслевой принадлежности (при наличии бланкетных признаков состава).

Субъективная сторона состава преступления определяется как совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих внутреннюю сторону преступного деяния. Ее содержание составляют вина, мотив и цель. Иногда к их числу относят еще и эмоциональное состояние. В этой связи предлагается различать понятия «объективной стороны состава преступлений» и «общее понятие субъективной стороны состава преступления» [Гаухман, 2011, 135]. При этом последнему предается, очевидно, значение юридической конструкции, как средства, юридической техники. В составе преступления, понимаемому как законодательная модель преступления, обязательное место принадлежит вине.

Разные ученые неодинаково определяют сущность содержание вины и ее место в субъективной стороне преступления. Так, Г.А. Злобин пишет: «вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает целостная характеристика преступления во всех его существенных для ответственности отношениях» [Злобин, 1981, 23]. Иными словами, автор стремится рассматривать вину в двух качествах: как субъективную сторону преступления и как самостоятельное основание уголовной ответственности. Профессор А.И. Рарог, подвергая критике подобные подходы пишет, что вина, как уголовно-правовая категория – это «психическое отношение, проявленное в определенном преступлении» [Рарог, 2018, 88]. Составными элементами этого отношения многие авторы признают сознание и волю, разные сочетание которых образуют различные формы и виды вины. Предметное содержание названных компонентов определяется конструкцией определенного состава преступления.

Основные положения учения о вине в ее законодательном понимании изложены в главе 5 УК РФ («Вина»). Основными формами вины законодатель считает умысел и неосторожность

(ч.1 ст. 24 УК РФ), характеризуя их, соответственно, в статьях 25 и 26 УК. Особенное внимание уделяется невинному причинение вреда (ст. 28 УК). Как особое проявление вины, законодатель регламентирует психическое отношение, заключающие в себе две формы вины (ст.27 УК).

При характеристике вины и определении ее формы (форм) в процессе квалификации преступлений необходимо различать понятия виновности и вины. Их разграничение в ходе дискуссии по этому вопросу проводится по ряду параметров. Нельзя не учитывать при этом, что согласно п.2 ч.1 ст. 73 УПК РФ, доказыванию подлежат виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, а в п.1 ст. 307 этого закона содержится требование, что в описательно-мотивированной части обвинительного приговора должны быть указаны форма вины, мотивы и цели преступления.

Заключение

Таким образом, законодатель рассматривает вину, мотив и цель как самостоятельные признаки субъективной стороны, характеризуя их определенным образом в конструкции конкретного состава преступления. При этом законодательная модель конкретного вида преступления всегда содержит указание на вину, ее форму, а нередко и вид (например, путем указания на мотив или цель). Это указание может быть прямым или опосредственным, с использованием различных способов, приемов и правил законодательной техники [Рарог, 2018, 44-52; Тарханов, Гайфутдинов, 2020].

Библиография

1. Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 42.
2. Винокуров В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация. Красноярск, 2011. 260 с.
3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 446 с.
4. Злобин Г.А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 23.
5. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. С. 93-96.
6. Комиссаров В.С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М.: Статут, 2012. С. 201.
7. Коржанский Н.И. и др. Энциклопедия уголовного права: Состав преступления. СПб., 2005. Т. 4. С. 6.
8. Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративное исследование. М.: Проспект, 2013. С. 7.
9. Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 57-69.
10. Лопашенко Н.А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2007. С. 133.
11. Наумов А.В. О гегелевской идее права применительно к уголовному праву // Государство и право. 1993. № 4. С. 19-28.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 221.
13. Павлинов А.В. и др. Проблемы квалификации преступлений. М., 2019. 464 с.
14. Пикуров Н.И. (ред.) Проблемы квалификации преступлений. М.: Проспект, 2019. С. 65.
15. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М.: Госюриздат, 1963. 467 с.
16. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. М.: Проспект, 2018. С. 88.
17. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. М., 2003. С. 17-23.
18. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. С. 223.
19. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 36, 141.
20. Тарханов И.А. (ред.) Уголовное право России. Общая часть. М.: Статут, 2016. С. 195, 213, 241.
21. Тарханов И.А. (ред.) Уголовное право России. Особенная часть. М.: Проспект, 2020. С. 18.
22. Тарханов И.А., Гайфутдинов Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном

законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 2. С. 168-173.

23. Шумихин В.Г. Нормативные правила квалификации преступлений. Пермь, 2004. С. 15.

24. Якушин В.А. Квалификация преступлений. Общие вопросы. Тольятти, 2016. С. 28-30.

Debating questions about the corpus delicti as a legal basis for the qualification of a crime

Il'dar A. Tarkhanov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Stanislav I. Golubev

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pressa@kpfu.ru

Abstract

The article analyzes the concepts of crime and corpus delicti, qualification of a crime. The elements of the crime are considered. On the issue of defining the concept of qualification of a crime, the points of view of prominent scientists in this field are given. The position is substantiated that the previously established specific life circumstances must be given a form suitable for identification with the signs of the corpus delicti “as with some general”. Noteworthy are the judgments reflected in the article about the legal nature of the qualification of a crime, as well as a fairly detailed analysis of the philosophical aspects of the doctrine of the corpus delicti. The article shows that the legislator considers guilt, motive and purpose as independent signs of the subjective side, characterizing them in a certain way in the construction of a specific corpus delicti. At the same time, as the authors of this paper conclude in their analysis, the legislative model of a particular type of crime always contains an indication of guilt, its form, and often the type (for example, by indicating a motive or purpose). This indication can be direct or indirect, using various methods, techniques and rules of legislative technique.

For citation

Tarkhanov I.A., Golubev S.I. (2022) Diskussionnye voprosy o sostave prestupleniya kak yuridicheskom osnovanii kvalifikatsii prestupleniya [Debating questions about the corpus delicti as a legal basis for the qualification of a crime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 537-547. DOI: 10.34670/AR.2022.66.61.054

Keywords

Crime, qualification of a crime, corpus delicti, legal structure, criminal law.

References

1. Boiko A.I. (2003) *Prestupnoe bezdeistvie* [Criminal inaction]. St. Petersburg.
2. Gaukhman L.D. (2003) *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of crimes: law, theory, practice]. Moscow: Tsentr YurInfoR Publ.
3. Ivanchin A.V. (2014) *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [Construction of the corpus delicti: theory and practice]. Moscow: Prospekt Publ.
4. Komissarov V.S. (2012) *Ugolovnoye pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. A common part]. Moscow: Statut Publ.
5. Korobeev A.I., Long Changhai (2013) *Sostav prestupleniya v doktrine ugolovnogo prava Kitaya i Rossii: komparativnoye issledovaniye* [Composition of a crime in the doctrine of criminal law in China and Russia: a comparative study]. Moscow: Prospekt Publ.
6. Korzhanskii N.I. et al. (2005) *Entsiklopediya ugolovnogo prava: Sostav prestupleniya* [Encyclopedia of criminal law: corpus delicti]. St. Petersburg. Vol. 4.
7. Kruglikov L.L., Spiridonov O.E. (2005) *Yuridicheskie konstruksii i simvolyy v ugolovnom prave* [Legal constructions and symbols in criminal law]. St. Petersburg.
8. Lopashenko N.A. (2007) *Sootnosheniye prestupleniya i sostava prestupleniya* [Correlation between crime and corpus delicti]. In: *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal law: development strategy in the 21st century]. Moscow.
9. Naumov A.V. (1993) *O gegelevskoi idee prava primenitel'no k ugolovnomu pravu* [On the Hegelian idea of law in relation to criminal law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 4, pp. 19-28.
10. Ozhegov S.I. (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
11. Pavlinov A.V. et al. (2019) *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes]. Moscow.
12. Pikurov N.I. (ed.) (2019) *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes]. Moscow: Prospekt Publ.
13. Piontkovskii A.A. (1963) *Uchenie Gegelya o prave i gosudarstve i ego ugolovno-pravovaya teoriya* [Hegel's doctrine of law and the state and his criminal law theory]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
14. Rarog A.I. (2003) *Kvalifikatsiya prestuplenii po sub"ektivnym priznakam* [Qualification of crimes on subjective grounds]. Moscow.
15. Rarog A.I. (2018) *Vina v sovetskom ugolovnom prave* [Guilt in Soviet criminal law]. Moscow: Prospekt Publ.
16. Shumikhin V.G. (2004) *Normativnyye pravila kvalifikatsii prestuplenii* [Normative rules for the qualification of crimes]. Perm.
17. (1988) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
18. Tagantsev N.S. (1994) *Russkoe ugolovnoye pravo. Lektsii: Chast' obshchaya* [Russian criminal law. Lectures: General part]. Moscow: Nauka Publ. Vol. 1.
19. Tarkhanov I.A. (ed.) (2016) *Ugolovnoye pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia. A common part]. Moscow: Statut Publ.
20. Tarkhanov I.A. (ed.) (2020) *Ugolovnoye pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special part]. Moscow: Prospekt Publ.
21. Tarkhanov I.A., Gaifutdinov R.R. (2020) *Sub"ektivnaya storona prestupleniya i otrazheniye ee priznakov v ugolovnom zakonodatel'stve* [The subjective side of the crime and the reflection of its signs in criminal law]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 162, 2, pp. 168-173.
22. Vinokurov V.N. (2011) *Ob"ekt prestupleniya: sistematizatsiya i kvalifikatsiya* [Object of the crime: systematization and qualification]. Krasnoyarsk.
23. Yakushin V.A. (2016) *Kvalifikatsiya prestuplenii. Obshchie voprosy* [Crime qualification. General issues]. Tolyatti.
24. Zlobin G.A. (1981) *Vinovnoye vmeneniye v istoricheskom aspekte* [Guilty imputation in the historical aspect]. In: *Ugolovnoye pravo v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal law in the fight against crime]. Moscow.